

ответственности принадлежат должностным лицам, неуполномоченным выносить постановления по делу. Они наделены правом составления протокола об административном правонарушении и перечислены в ст. 3.30 ПИК_оАП. Если проанализировать список таких лиц, можно заметить и должностных лиц органов и организаций, которые не являются правоохранительными или контрольно–надзорными. И соответственно судить о правильности квалификации ими малозначительности правонарушения затруднительно.

В–третьих, отсутствует система фиксации и контроля за вынесением устного замечания. Таким образом, сложно установить законность и целесообразность вынесения устного замечания и освобождения лица от административной ответственности. А возможно лицо в течение года неоднократно освобождалось от ответственности с применением устного замечания. В таком случае цель применения профилактических мер не будет достигнута.

С учетом вышеизложенного, целесообразно дополнить ч. 3 ст. 8.2 КоАП ограничением на применение устного замечания только в отношении определенных категорий административных правонарушений, а именно административных проступков и значительных административных правонарушений. В этом случае будут исключены случаи освобождения от административной ответственности при совершении грубых административных правонарушений.

Кроме того, в нормы ПИК_оАП необходимо внести положения, запрещающие выносить устные замечания должностным лицам органов, не являющихся правоохранительными или контрольно–надзорными.

Предложенные направления позволят усовершенствовать применение профилактических мер воздействия и повысить уровень защищенности граждан при освобождении их от административной ответственности. Процедура вынесения устного замечания станет более точной и эффективной.

УДК 347.9 (476).

НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ОРГАНИЗАЦИИ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА О ПРИЗНАНИИ ЕЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ: ИМЕЕТСЯ ЛИ НЕОБХОДИМОСТЬ?

В.П. Скобелев

Белорусский государственный университет
кандидат юридических наук, доцент

Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. №203–З «О противодействии экстремизму» (далее – Закон № 203–З) закрепляет правовые и организационные основы противодействия экстремистской

деятельности. Одна из эффективных правовых мер, направленных на противодействие экстремизму, связана с рассмотрением судами дел о признании организаций, в том числе иностранных и международных, экстремистскими. Разбирательство таких дел в настоящее время происходит по правилам Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) (в отношении некоммерческих юридических лиц) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) (в отношении коммерческих организаций), а с 1 января 2026 г. будет осуществляться по правилам единого Кодекса гражданского судопроизводства (далее – КГС), который заменит собой ГПК и ХПК. С рассмотрением указанных дел связано множество спорных вопросов, в том числе и вопрос о целесообразности наложения ареста на имущество соответствующей организации.

Согласно второму предложению ч.2 ст.11 Закона № 203–З в заявлении о признании организации, в том числе иностранной или международной, экстремистской «может содержаться предложение о наложении ареста на находящееся на территории Республики Беларусь имущество, принадлежащее такой организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, представительству иностранной или международной организации, расположенному на территории Республики Беларусь, иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, до рассмотрения заявления судом». Возникает вопрос, какова правовая природа и цели подобного предложения о наложении ареста на имущество. Вероятно, арест имущества организации в данном случае является не чем иным, как мерой по обеспечению иска (п.1 ч.1 ст. 255 ГПК, абз.2, 3 ч.1 ст. 116 ХПК), Но тогда по поводу нормы второго предложения ч.2 ст. 11 Закона № 203–З хотелось бы сделать несколько замечаний.

Во-первых, указание на необходимость наложения ареста на имущество организации должно называться не «предложение» (как это имеет место во втором предложении ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З), а иным образом. Так, если говорить о ГПК, то он в главе 25 «Обеспечение иска» оперирует термином «заявление об обеспечении иска» (см. ст. 256 ГПК), хотя в других структурных элементах данного Кодекса можно встретить упоминание также про ходатайство об обеспечении иска (см. ч. 2 ст. 79 ГПК) и про требование об обеспечении иска (ч. 2 ст. 243 ГПК). В абз.6 ч.1 ст.7 ХПК прямо предусмотрено, что формой обращения в суд, рассматривающий экономические дела, за принятием мер по обеспечению иска является ходатайство. Про ходатайство об обеспечении иска речь идет и в главе 9 «Обеспечение иска. Обеспечение предмета международного медиативного соглашения» ХПК (см. ст.113, 114). Вместе с тем единство терминологии по тексту ХПК выдержано не в полной мере: в ч. 4 ст. 159 ХПК мы встречаем указание о возможности включения в содержание искового заявления «заявления об обеспечении

иска». Что касается КГС, то он в целом воспринял подход, реализованный в ГПК, а именно применительно к обеспечительным мерам говорит о подаче в суд заявления (см. п.7 ч.2 ст. 97, главу 19 «Обеспечительные меры»), однако если просьба о принятии обеспечительных мер является частью искового или иного подаваемого в суд заявления, то она именуется КГС уже ходатайством (см. ч.1 ст. 159, ч.4 ст. 238).

Во-вторых, возможность наложения ареста на имущество организации, в том числе иностранной или международной, либо имущество представительства иностранной или международной организации сомнений не вызывает, если соответствующее экстремистское дело рассматривается по правилам ГПК, т.к. в гражданском процессе указанные в ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З дела подлежат разбирательству в исковом производстве, а значит, все институты искового производства, в том числе и меры по обеспечению иска, здесь применимы. Но в хозяйственном процессе упомянутые дела относятся к производству по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. Допустимо ли применение в этом виде производства правил, характерных для совершенно другого вида хозяйственного судопроизводства (т.е. правил об обеспечении иска), вопрос крайне спорный. По КГС названные дела тоже подлежат рассмотрению в идентичном виде производства – в производстве по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, однако в отличие от ХПК, вопрос о допустимости принятия обеспечительных мер здесь четко решен. Согласно ч. 1 ст. 357 КГС по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, применение обеспечительных мер осуществляется в соответствии с главой 19 «Обеспечительные меры» КГС с учетом особенностей, предусмотренных подразделом 3 «Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений» КГС.

В-третьих, не совсем понятна цель наложения ареста на имущество организации либо имущество представительства иностранной или международной организации. Как видно из ст. 254 ГПК, меры по обеспечению иска применяются, «если непринятие мер обеспечения может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда». Аналогичным образом сформулирована причина для принятия обеспечительных мер также в ч.2 ст.113 ХПК («обеспечение иска допускается на любой стадии хозяйственного процесса, если непринятие мер по его обеспечению может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда») и в ч.1 ст. 156 КГС («Обеспечительные меры применяются судом первой инстанции и допускаются во всяком положении дела, если их неприменение может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда»).

Значит, для того, чтобы в отношении лица, против которого в суд предъявлены требования, могла быть принята обеспечительная мера в виде

наложения ареста на его имущество, предъявленное в суд требование должно носить имущественный характер, т.е. преследовать цель получения от данного лица имущественного удовлетворения – имущества в натуре или денежных средств, которые в том числе могут быть выручены от продажи имеющегося у данного лица имущества. Только в этом случае непринятие обеспечительной меры в виде наложения ареста на имущество может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда (т.к. лицо может скрыть свое имущество, уничтожить его и т.п.). Однако дела, о которых вы ведем речь (о признании зарегистрированной на территории Республики Беларусь организации экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, ее ликвидации и запрещении использования ее символики и атрибутики, а также о признании экстремистской зарегистрированной за пределами Республики Беларусь иностранной или международной организации, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, прекращении деятельности расположенного на территории Республики Беларусь представительства такой иностранной или международной организации, запрещении использования их символики и атрибутики), имеют явно выраженный неимущественный характер. Соответственно оставление по такому делу имущества организации (представительства) без ареста не способно каким-либо образом затруднить, а тем более сделать невозможным исполнение решения суда.

Можно предположить, что присутствие во втором предложения ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З упоминания про возможность наложения ареста на имущество обусловлено желанием законодателя создать условия для реализации тех норм Закона № 203–З, которые предусматривают конфискацию имущества организации, признанной экстремистской. Так, ч. 3 ст. 12 Закона № 203–З гласит, что «в случае принятия судом решения о признании организации, зарегистрированной на территории Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, ее ликвидации и запрещении использования ее символики и атрибутики принадлежащее ей имущество, оставшееся после удовлетворения требований кредиторов (при условии их непричастности к экстремистской деятельности), конфискуется».

Аналогичная норма (но только в отношении иностранной или международной организации) закреплена и в ч. 4 ст. 16 Закона № 203–З: «В случае принятия Верховным Судом Республики Беларусь решения о признании иностранной или международной организации, зарегистрированной за пределами Республики Беларусь, экстремистской, запрещении ее деятельности на территории Республики Беларусь, прекращении деятельности представительства такой иностранной или международной организации, расположенного на территории Республики Беларусь, запрещении использования их символики и атрибутики принадлежащее им имущество, находящееся на территории Республики

Беларусь и оставшееся после удовлетворения требований кредиторов (при условии их непричастности к экстремистской деятельности), конфискуется».

Однако против высказанного предположения говорят такие обстоятельства. По смыслу ч. 3 ст. 12, ч. 4 ст. 16 Закона № 203–З конфискация имущества происходит только спустя какой-то период времени после вынесения решения о признании организации экстремистской (т.к. требуется произвести расчеты с кредиторами), причем в случае признания экстремистской белорусской организации этот период времени будет всегда весьма продолжителен (ведь такая организация подлежит ликвидации, соответственно расчеты с кредиторами будут осуществляться на завершающем этапе процедуры ликвидации, которая с учетом положений ст. 59 ГК может растянуться на полугодие и даже более продолжительное время). Между тем согласно второму предложению ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З арест на имущество налагается лишь «до рассмотрения заявления судом». Это значит, что арест имущества никоим образом способствовать конфискации данного имущества не будет.

Более того, на конфискацию имущества «работает» совершенно другое правило, нежели норма второго предложения ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З. Как видно из ч. 1, первого предложения ч. 2 ст. 11 Закона № 203–З заявление по экстремистскому делу подается в отношении организации (представительства иностранной или международной организации), деятельность которой постановлением должностного лица органов прокуратуры приостановлена. А в соответствии с баз. 2 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З приостановление деятельности организации (представительства иностранной или международной организации) влечет запрет «использовать текущие (расчетные) банковские счета, за исключением осуществления платежей в бюджет, бюджеты государственных внебюджетных фондов, по гражданско-правовым и трудовым договорам с гражданами, а также расчетов, связанных с возмещением причиненного ими вреда, осуществлять любую предпринимательскую деятельность, направленную на решение уставных целей и задач, в том числе приобретать, отчуждать или иным способом распоряжаться принадлежащим им имуществом». Собственно, правило абз. 2 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З уже само по себе делает ненужным применение судом обеспечительной меры в виде наложения ареста на имущество организации (представительства иностранной или международной организации), т.к. ограничения, составляющие содержание ареста, отражены в абз. 2 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З (правда, в контексте, ограничений, предусмотренных абз. 2 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З, не совсем понятно, как организация (представительство иностранной или международной организации) сможет выполнить предписание ч. 3 ст. 12, ч. 4 ст. 16 Закона № 203–З относительно удовлетворения требований всех кредиторов, не причастных к экстремистской деятельности).

По поводу присутствия в третьем предложении указания на арест имущества организации (представительства иностранной или международной организации) можно высказать еще одно предположение: арест имущества необходим для того, чтобы предупредить (предотвратить, пресечь) осуществление организацией (представительством иностранной или международной организации) экстремистской деятельности. Однако подобное предположение, наверное, тоже вряд ли состоятельно, поскольку деятельность организации (представительства иностранной или международной организации), в отношении которой в суд подано заявление о признании экстремисткой, в соответствии с ч.1 ст. 11 Закона №203–З приостановлена постановлением должностного лица органов прокуратуры, а приостановление деятельности влечет для организации (представительства иностранной или международной организации) такие правоограничения, которые в принципе исключают осуществление какой-либо экстремистской деятельности. Это не только запрет на использование текущих (расчетных) банковских счетов и совершение имущественных сделок (абз. 2 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З), но также запреты на организацию и проведение собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и иных массовых мероприятий (абз. 3 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З), осуществление рекламной, издательской и полиграфической деятельности (абз. 5 ч.4 ст. 11 Закона № 203–З), использование собственной символики, атрибутики (абз. 11 ч. 4 ст. 11 Закона № 203–З) и пр.

УДК 351

**КООРДИНАЦИЯ И СОТРУДНИЧЕСТВО ЦЕНТРАЛЬНЫХ И
РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Е.М. Смирнова

**Санкт–Петербургский университет технологий управления и
экономики**

кандидат юридических наук

Н.Н. Карпина

**Санкт–Петербургский университет технологий управления и
экономики**

В системе российского права взаимодействие между центральными исполнительными органами играет ключевую роль. Хотя текущее законодательное регулирование подробно описывает сотрудничество данных структур во множестве областей, возникают сложности, касающиеся понимания понятия «сотрудничество» и самого процесса сотрудничества в контексте обеспечения государственной безопасности.